

ОГЛАВЛЕНИЕ

Владимир. ВЫВОДЫ	9
Герман. «ЖУЖЖАЛКА»	17
Марина. СМРАД	37
Аля. ВОВЛЕЧЕННОСТЬ	52
Герман. НА ВЫХОД	65
Марина. ЗАЛОЖНИКИ	85
Аля. ПО-ВЗРОСЛОМУ	115
Герман. ЯМА	127
Марина. ПОРТ	144
Аля. ТЕРАПИЯ	161
Герман. ИДИОТ	174
Марина. ЗАПИСКИ	195
Аля. ПРОВЕРКА	217
Лёха. РЕПРОДУКТОР	242

Моему сыну Андрею,
который, надеюсь,
во всё это не поверит.

*мы не уехали так давно, что уже
сложно вспомнить куда. мы были заняты, love,
на еще не выявленных производствах войны.*

Дмитрий Гаричев

Владимир

ВЫВОДЫ

Мохнатов уже давно привык к тому, что никто не зовет его Владимиром. Владимиром Георгиевичем — да. Товарищем Мохнатовым — если вдруг из чужих. Иногда могут просто Мохнатовым — в конце концов, он объявил о себе этой фамилией, сделал ее ключ-картой, открывающей и ячейку в С-банке, и почти любую дверь в Старостате.

И тут этот хрен окликает:

— Володя!

Мохнатов аж поперхнулся контрабандным кофе. «Володя»! И, главное, совершенно посторонний му-дак. Костюмчик хоть и довоенный, но без шика. Очки какие-то левые. Максимум — ровесничек. И — «Володя». Олень...

Мохнатов даже не удосужился показать, что понял — это к нему. Продолжил отхлебывать из ста-

канчика, удерживая скептическую мину. И когда олень повторил — тоже.

Тот постоял, постоял, да и спустился к Мохнатову сам. Ну а как еще? Подошел, расправляя на морде улыбочку. Мохнатов повел в его сторону глазом. Но больше так — типа, ты-то что за чмо?

А чмо говорит:

— У меня для вас, Володя, сообщение. От Ивана Николаевича.

И Мохнатову захотелось сказать, что он вертел и таких панибратских мудаков, и Иванов, и Николаевичей. И что нехрен подваливать, как к какой-нибудь бабе на пьянке. И еще разное. Но проблема была в том, что он уже сообразил, какой Иван Николаевич имеется в виду.

Мохнатов шумно зашел в студию, сразу обозначая, что он здесь, и всем стоит подорваться и броситься к нему. Всех, правда, оказалась одна ассистентка Маша, сидевшая за студийным компом. Она испуганно подпрыгнула, поймала шефа взглядом — и тут же полетела бросаться в ноги. Вот это правильно, девочка.

— У нас экстренник, — объявил Мохнатов. — Выдерживай всех и предупреди эфирных. Меняем вечерний выпуск с записи на живье. Будем писаться через... — он посмотрел на наручные «Omega». — Пять часов двадцать две минуты.

— Владимир Георгиевич! — ужаснулась Маша.

— Иди бобра побрей! — рывкнул Мохнатов. — А меня не дергай! Мне еще настраиваться сейчас.

Он и в самом деле взялся настраиваться. Прошел в гримерку, смахнул со стола какие-то подарки поклонников — плюшевого медведя и открыточки, и тяпнул китайского коньяка — всё еще дрянь, но за последние лет пять стала получше. Снимаешься ею уже нормально. Как родной снимаешься.

— Эй! — крикнул Мохнатов. — Долго ждать-то? Зайди гостей взять.

Он накидал на бумажке список тех, кто ему понадобится. Отборные говноеды, которые кормятся с его, Мохнатова, руки: сука-эксперты, еб-твою-мать-аналитики.

— Их так быстро не собрать, — обреченно сообщила Маша, проглядев записи.

— Маня, — почти ласково сказал на это Мохнатов. — Ты кто такая? Ты чья будешь? Звони и ори на них. Именем тарабарского короля, ясно?! И пусть только одна пиздовша заартачится.

Маша закивала.

— И верни Ингу. Когда нужна, никогда ее нет!

Маша исчезла, а Мохнатов придирчиво оглядел свой рабочий гардероб и выдернул с вешалки два френча: один — зеленоватый, почти мундир, другой — черный с серебристым кантом. Зеленый тут же вернул обратно, черный бросил на стол — чтобы обслуга погладила.

Иван Николаевич хочет, чтобы Мохнатов дал по зубам этим соплякам, которые опять там чего-то

требуют на фоне портовых дел. Которым то не так и это не эдак. Опять полезли. Одну дыру законопачишь, они из другой. А это потому что пороть надо на конюшне, вместе со всей этой медвежатинной!

Ничего, нам не впервой. Покажем им, как гладит Мохнатов. Зубы полетят даже у зрителей — если близко придвинется к экрану! Особенно у «спокойничков», которые пищат — мол, «надо без перегибов». Это вы, сучата, перегибов не нюхали!

Мохнатов показал зубы зеркалу. Зеркало в ответ довольно оскалилось.

За час до эфира он вышел в студию — и с удовлетворением отметил, что все гости уже в сборе. Как рыбки, плавают туда-сюда.

— Что мы сегодня делаем? — спросил Мохнатов у своего аквариума, и, не дав рыбкам открыть рта, пояснил: — Мы ебем предателей! Медведей там, не медведей, по барабану. Здесь же нет тех, кто за предателей, да?

Мохнатов обвел студию пристальным взглядом. Запредатели не отсвечивали. Ничего, подумал Мохнатов. Это я тут решаю, кто будет кто. Как станете себя вести, так и определимся.

— Все помнят, чего мы не делаем? — поинтересовался он. — А?! Правильный ответ — ничего, о чем не условились заранее. Алексей!

Главный социолог (он называется специалистом по гражданской устойчивости, но это никого не обманывает) Алексей Черемхин дернулся.

— Без команды не лезь, понял? — предупредил Мохнатов. — Вякнешь невпопад, как в прошлый раз, — распрощаемся. Доходчиво?

Черемхин изобразил на лице оскорбленную невинность; Мохнатов на это только усмехнулся.

— Так, — продолжил он, — теперь графиня. Лена Сергевна, рожу делай попроще, не в супружеской спальне; нас люди смотрят, им кислятина без надобности. Чего ты там еще скажешь — бог весть, а глядеть уже противно.

«Психолог» Шереметьева сохранила непроницаемое выражение. Ну-ну.

— Короче, уважаемые, — это слово Мохнатов проинтонировал особенно гнусно, — у нас сегодня эфир по темам от Старостата. Кто не соображает, что это значит, может сразу пойти и застрелиться. Ясно? А кто не застрелился — работает хорошо. Лучше, чем умеет. Усекли?

Труппа понимающе молчала. Ну ладно, хоть без дурацких вопросов.

Уроды, подумал Мохнатов. Сколько можно с ними возиться. Давно надо выкинуть каждого первого из этих «экспертов» и набрать хотя бы просто других. В следующем месяце заставлю Ингу этим заняться.

— Владимир Георгиевич, готовность — десять минут.

— Здравствуйте, мои дорогие! — проникновенно объявил Мохнатов, раскинув руки, как будто он хотел бы обнять всех телезрителей, но расстояние это-

му всё еще мешает. — С вами Владимир Мохнатов и «Выводы недели».

На ведущего пролились аплодисменты.

— Но прежде, чем начнем, давайте вместе помолимся за наших ребят. Да? За пограничников, которые охраняют нас и наших детей от внешней заразы. Потому что мы-то с вами знаем: даже мертвые твари могут тянуть к нам свои ручонки. А ребята им как раз и дают по рукам!

Зал снова зааплодировал, а Мохнатов с благодарностью закивал, молитвенно сведя ладони.

— Сегодня у нас не обычный — особый разговор! Мы поговорим об одних товарищах. Знаете, о каких? О тех, которые нам не товарищи.

В зале засмеялись. Один голос — даже на какой-то истерично высокой ноте.

— Вы наверняка слышали о том, что происходит в Порту. А что там? А там местные — это они себя так сами называют — «местные» — снова устраивают террористическую атаку. Вы сейчас думаете: что это он говорит! Разве можно про это говорить?! Я вам скажу: у нас обо всём можно говорить, если ты говоришь для дела. Можно! А про террористов — нужно! Нас иногда одергивают: никакой это, мол, не терроризм! Нам, захлебываясь, кричат: смертная казнь на месте преступления — это нарушение прав! А я говорю: террористы чувствуют свою безнаказанность! Вот поэтому мы раз за разом возвращаемся к одному и тому же. Из-за полумер! И сами становимся заложниками. И не надо, не на-а-адо «посмо-

треть на ситуацию их глазами!»! Я буду смотреть на нее только глазами наших парней, которые сдерживают всякую нечисть! И я хочу спросить у нашего первого гостя — Алексея Черемхина, нашего самого информированного специалиста по гражданской активности, — он по должности на контакте с большим количеством горожан, — что такое Порт для нашей столицы, для Союза в целом?

Черемхин кашлянул в микрофон, и тут же чуть испуганно от него отодвинулся.

— Порт, — сказал он, прислушиваясь к звуку собственного голоса, — это дорога жизни. Мы, все наши граждане, видим в нем источник самого необходимого. Это и топливо, и товары, и самое главное — пища.

— И за то, чтобы Порт нас кормил, заплачено жизнями! — взревел Мохнатов; он вскинул руки с растопыренными пальцами, как бы показывая, какое это бессчетное количество погибших. — Нашими русскими жизнями! Алексей, что будет, если Порт перестанет работать?

— Все понимают, что будет.

— Ну, вы поясните. Вдруг кто-то не доучился. Не додумал. Не соображает еще.

— Я не хочу это пояснять. Такое есть в голове у каждого, здесь и социология не требуется.

— Слышали?! — выкрикнул Мохнатов. — Алексей не хочет произнести слово «коллапс», но я его — произнесу! Порт — это не просто стратегический объект, это то, без чего наша с вами жизнь попросту

невозможна. И вот когда какие-то недобитки в угоду Востоку...

Мохнатов запнулся.

Те, кто знал Владимира Георгиевича, в эту секунду должны были пооткрывать рты и броситься к экранам, даже если до этого занимались какими-нибудь посторонними делами. Что «староста по правде», как звали его в коридорах Репродуктора, может изрядно заложить за воротник, способен увлечься и выписать в морду кому-нибудь из гостей или, например, довести себя до такого градуса истерики, что несколько минут орать благим матом, — не было новостью. Но вот чтобы запнуться во время прямого эфира... Такого с товарищем Мохнатовым не случилось ни разу.

На часах было 20:11, эфирная лампа горела ярко-оранжевым «On air», и съемочная группа во все глаза смотрела на невиданное: как лицо их многолетнего шефа кривится, выплевывает из себя язык, навсегда прищуривает один глаз, а потом — вместе с остальным телом в «сталинской» тужурке — оседает на пол, да так и остается там лежать под скрипки в студии.

Никто не знал, что надо в этом случае делать, — и на то, чтобы включить заставку про «технический перерыв», ушло около сорока бесконечных секунд.

А потом «Выводы недели» закончились.

Герман

«ЖУЖЖАЛКА»

«Утро» началось на двадцать минут раньше обычного. Сергей долго скреб дверь, но в какой-то момент, отчаявшись, начал возмущенно повякивать. Его чувство голода определенно отказалось перейти на зимнее время. Герман разлепил веки, послушал заунывные призывы кота и со вздохом сел на кровати. За окном еще темно. То есть — уже темно. Пора бы и привыкнуть: всё же третий месяц работы в вечернюю пошел.

Он открыл дверь и впустил полосатого гада, который тут же принялся вертеться около ног и не давать поймать тапки. Кое-как одевшись, Герман отогнал кота вглубь комнаты и отправился на кухню. Заглянул в холодильник, вытащил бутылку воды и сделал два больших глотка. Горло засадило, но ясности в голове не образовалось.

Герман отдернул занавеску и выглянул в окно: снега пока не было, но народ обрядился в шапки и обернулся шарфами. Еще неделя — и точно придется доставать зимнюю амуницию; а на куртку где-то весной прыгнул еще прошлый кот, и хорошо так ее подрал... Герман всё хотел отдать в починку, но так и не сподобился. А куртка — довоенная еще «Columbia»; сейчас, понятное дело, такую хрен достанешь.

Герман щелкнул кнопкой маленького телевизора, посмотрел на «Втором», сколько времени, и, убрав звук, переключился на развлекательный. Пока готовил омлет с консервной как бы колбасой и наливал как бы кофе, по экрану прыгали юнцы в тельняшках. Кажется, они горланили военную песню, но без звука наверняка не скажешь.

Снова возник Сергей, и начал не только мякать, но и требовательно цеплять когтями ногу. Герман отщипнул ему тушенки и бросил в миску. Кот полученное внимательно обнюхал, но есть не стал, продолжил ходить за хозяином, ожидая, не перепадет ли что получше.

— Хрен тебе, — сказал Герман и соорудил коту зубастую рожу.

Опять переключившись на «Второй», сверился с часами — и пошел собираться: до работы 45 минут, но если пешком, это не так и много.

Улица моментально заставила пожалеть, что серый с вязаными ягодками шарф остался в прихожей: по проспекту Энтузиастов сквозил мерзкий холод-

ный хиус, забиравшийся не только под дырявое синее пальто, но и под форменный джемпер. Герман посильнее надвинул вязаную шапочку и постарался дотянуть воротник до самых ушей.

У дверей Репродуктора он долго не мог выудить из внутреннего кармана пропуск, и толстенький усатый охранник — из бывших ментов — очень такой неуклюжести веселился. Герман представил, как перегнется через турникет и съездит гаду замерзшей перчаткой. Но, как обычно, вместо этого стал успокаивать себя, что остались какие-то пара недель. Пара недель — и ничего этого не будет. Вспыхнет всё, как зеленый огонь на Трансформаторных полях, и так же истаёт.

В коридорах радио «Позывной» уже никого не было: дневная смена разошлась по домам, переход в печатный и телевизионный корпуса закрыли на засовы. Только из вечерней студии слышались голоса, но это как раз нормально — у них еще почти четыре часа вещания.

Герман обошел свое безлюдное королевство, открывая студию за студией, записал в журнале, что по состоянию на 18:30 «выключенное оборудование обесточено, ЦРУ функционирует во 2-м режиме». Аббревиатура козырная. Говорят, когда первый отчет с такой подписью лег на стол в Старостате, был скандал. С тех пор во всех официальных документах сокращения не допускаются, пишут как есть: «Центральный радиотелевизионный узел». Но для внутреннего пользования ЦРУ так и остался ЦРУ.

Заперев вторую монтажку, Герман свернул в буфет — набрать из титана кипятка для «кофе». Внутри тускло горели лампы над выгородкой персонала; кроме того, освещен был и один из дальних столиков. За ним, опершись на одну лапу, а второй вода по разложенным листам бумаги, сидел медведь.

Он казался ненастоящим. Большие скругленные уши вертикально вверх, глаза-бусины и шерсть бурыми аккуратными завитками. Похож на гигантскую плюшевую игрушку куда больше, чем на настоящего туземца. Герман не раз замечал, как новые сотрудники разглядывают медведя, наверняка рассчитывая найти заплатку.

Медведя зовут Кимун, и он работает в отделе политинформации. Говорят, чуть ли не самый старый сотрудник «Позывного», но, может, и врут — сам Кимун разговоры о прежних делах не жалует. Линейщики время от времени пытаются развести его на ля-ля, но толку ноль.

В эфире он очень правильный. Его программа не просто соглашательская, она временами прямо антимедвежья. Над Кимуном ржут даже его коллеги-пропагандоны.

В миру же политмедведь однообразно скребет карандашом у себя в тетрадке да в одиночестве пьет чай у крохотных иллюминаторов радионного буфета. Или сидит, глядя стеклянными глазами в стену, — в общем, ведет обычную жизнь фальшивого медведя.

Берлога у него, кажется, в подвале «Позывного».